УДК 81-13

Т. М. Людерс

О СИГНИФИКАТИВНОЙ РОЛИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА ПРИ ВЫБОРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГУЛЯТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК

В статье автором на основе актуальных научных мнений по исследуемой проблеме представлено обоснование роли лингвокультурологического аспекта при выборе лингвистических механизмов и средств на примере регулятивных речевых стратегий и тактик.

Ключевые слова: культурологический аспект, лингвокультурологический аспект, лингвистические механизмы, лингвистические средства, регулятивные стратегии, регулятивные тактики, речевой акт, менталитет.

В современной науке следует отметить превалирование все более узкоспециализированного подхода во всех отраслях научного знания, образование новых научных направлений, отражающих культурологический аспект в самых различных областях. Так, в лингвистике произошло появление таких инновационных направлений, как социолингвистическое, психолингвистическое, этнолингвистическое и др., определяющей основой которых в той или иной степени выступает обусловленность реализации, выбора и функционирования лингвистических механизмов культурологическими составляющими [13, *5*]. В их контексте становится все более очевидным влияние так называемого «лингвокультурологического фактора», отличающегося в настоящее время, как показывают наши исследования, значительной терминологической неоднозначностью.

Говоря о стратегическом компоненте речевого общения под воздействием культурологической составляющей, по мнению специалистов, можно дифференцировать два типа наиболее приоритетных целей, которые имеет в виду говорящий: прежде всего под воздействием существующего у него культурологического опыта он думает о результате своего сообщения, т. е. об эффективности, и в то же время им осуществляется расчет различных вариантов подходов, которые в большей степени, в контексте имеющегося у него культурного «багажа», соответствуют ситуации общения [12, *41*]. Таким образом, очевидным является факт корреляции процесса выбора лингвистических механизмов в процессе коммуникативного взаимодействия с явлением ментальности социума, к которому принадлежат коммуниканты.

Актуальность проблемы лингвокультурологического аспекта при выборе лингвистических механизмов, по мнению Е. Н. Зарецкой, которое мы полностью разделяем, определена недостаточной разработанностью в современной лингвис-

---

ЛЮДЕРС Татьяна Михайловна – аспирант кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (E-mail: sail470@mail.ru).

© Людерс Т. М., 2010

тике целого комплекса проблем, относящихся к управленческой сфере в области коммуникативных процессов (вопрос о разновидностях регулятивных действий и последовательности их применения в рамках различных коммуникативных сценариев, жанрово-стилевой направленности продуцируемого текста; вопрос о планировании и реализации речевого акта говорящим под воздействием определенных характеристик собеседника; возможных способах противодействия регулятивным интенциям говорящего; проблема коммуникативных конфликтов и аномалий и др.) [6, *28*]. В соответствии с этим определяющий тезис настоящей статьи состоит в том, что любая речевая коммуникация – это стратегически и тактически мотивированный процесс, основанный на осознанном выборе коммуникантами оптимальных лингвистических ресурсов воздействия на поведение и когнитивное состояние партнера по коммуникации под влиянием культурологических составляющих.

Обращаясь к проблеме сигнификативной роли[1] лингвокультурологического аспекта при выборе лингвистических механизмов коммуникантами для реализации регулятивных речевых стратегий и тактик, мы опирались на многоаспектный научный опыт в области речевого общения многих отечественных и зарубежных лингвистов. При этом следует особо отметить работы Р. Блакара, Е. М. Верещагина, Е. Н. Зарецкой, О. С. Иссерс, Ю. Н. Караулова, В. Г. Костомарова, В. В. Красных, Ч. Ларсена, Г. Г. Матвеевой, О. С. Мамаевой, А. К. Михальской, Дж. Остина, А. А. Романова, Е. Н. Румянцевой, Дж. Серля, Л. П. Семененко, С. А. Торлакян, Н. И. Формановской и др.

Для обоснования роли лингвокультурологического аспекта при выборе лингвистических механизмов и средств для реализации регулятивных стратегий и тактик нам представляется целесообразным оперировать наиболее широким, на наш взгляд, концептом «менталитет». Под данным понятием в контексте исследований В. А. Стернина [15] и Н. В. Пименовой [11] мы понимаем вырабатываемое генетически обобщённое социально-психологическое состояние субъекта (нации), складывающееся из устойчивой совокупности черт характера народа и сложившееся в результате исторически длительного и постоянного воздействия разнообразных факторов социальной среды и культурных условий[2].

Рассмотрим ряд научных мнений, подтверждающих нашу точку зрения в отношении исследуемой проблемы.

По мнению Ю. Б. Смирнова, менталитет, складывающийся во взаимодействии с традициями, обычаями, правами, институтами и законами, т. е. культурой какого-либо социума, находит свое дальнейшее прямое отражение также и в языке, поскольку язык является выразителем данных культурологических реалий [14, *14*].

В свою очередь Р. А. Явчуновская высказывает мнение о том, что речевая деятельность человека одновременно является репрезентантом (выразителем) и

---

[1] Под сущностью термина «сигнификативный» мы подразумеваем понятийное содержание, используемое при семантическом описании единиц языка в лингвистике.

[2] Основываясь на исследованиях Н. В. Пименовой [11], мы также считаем целесообразным исходить из предположения о том, что менталитет и ментальность являются синонимами, однако – не абсолютными.

культуры, и менталитета, и мышления народа. При этом понятие «менталитет» у Р. А. Явчуновской включает в себя не только культурологическую, но и языковую составляющую и рассматривается как «уровень индивидуального и общественного сознания, включающий в себя картину окружающего этнос мира: представление о личности как представителе той или иной общественной группы; понятия, культурные и языковые особенности и традиции, унаследованные от предыдущих поколений или историко-этническая память; этнические особенности психологии, выраженные в традициях, обычаях, ритуалах и лежащие в основе человеческого поведения» [18, *21*].

Т. В. Куклина в своей научной работе [8] отмечает, что речевая деятельность выступает отражением менталитета народов, из чего, по мнению исследователя, можно сделать вывод о том, что наложение на собственный менталитет в процессе коммуникации особенностей чужого умножает внутренний мир человека, а значит, способствует его обогащению, что в свою очередь представляет серьезный научный интерес в связи с тем, что изучение различных регулятивных стратегий и тактик каждого конкретного языка способствует приобретению ментальных особенностей этих народов, носителей данных языков. При этом дискуссионным и недостаточно изученным, по мнению Т. В. Куклиной, является вопрос о том, идентичны или разнообразны при этом будут стратегии и тактики индивидуумов разных народов, и что будет являться объединяющим/разъединяющим фактором их корреляции [8, *27–28*].

Таким образом, взаимосвязь ментальности и речевой коммуникации в целом, а также детерминации данного конструкта при выборе стратегий и тактик речевого воздействия представляется очевидным. При этом вышесказанное в значительной степени актуально для таких типов речевых актов, сущность и содержание которых, как показывают исследования, еще в недостаточной степени определены современной наукой, как регулятивные акты. В приведенном контексте нам представляется логичным привести перефразированное исследователем А. С. Бутусовой известное высказывание Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова: «Чтобы усвоить мотивы предпочтительного употребления той или иной речевой формы из ряда возможных, требуется правильно понять и оценить иностранную культуру, свойственную говорящим» [3, *13*], которое звучит следующим образом: «чтобы правильно понять и оценить выбор речевых стратегий различного образца, требуется усвоить мотивы предпочтительного использования той или иной речевой стратегии из ряда возможных» [2, *32*]. Именно поэтому с научной точки зрения в контексте лингвистического изучения речевых актов на современном этапе, их стратегий и тактик важным является акцентирование внимания не столько на аспектах *употребления и функционирования*, сколько на вопросах *предпочтительного* употребления и *выбора*, что невозможно без учета особенностей национального менталитета [2, *33*]. Эта взаимосвязь, по нашему мнению, заложена в самой природе регулятивной речевой стратегии, которую мы понимаем как один из видов речевой стратегии, представляющий собой комплексный, когнитивный процесс коммуникативного характера, выражающийся *в выборе* говорящим/пишущим системы *продуманных поэтапных* регулятивных

речевых действий, формирующих линию регулятивного речевого поведения, принятую на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленную на достижение конечной коммуникативной цели (целей) за счет эффективного использования набора определенных регулятивных речевых тактик, представляющих собой конкретный регулятивный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления стратегии.

Поддерживая данную точку зрения, исследователь С. А. Торлакян подчеркивает, что взаимосвязь менталитета и языковых средств характерна любым, даже фатическим (примитивным) речевым конструкциям и актам и сопутствующим им лингвистическим механизмам. Предполагаемое восприятие ментального фактора адресата как компонента информационно-когнитивной системы коммуникации, считает С. А. Торлакян, отражено в фатической направленности любого речевого действия. Подбор соответствующих стратегических и тактических средств различных уровней при продуцировании речевого акта – это коммуникативная обязанность говорящего по отношению к адресату, которая не может быть в полной мере реализована без культурологического опыта [17, *8*]. В частности, в фатических конструкциях при порождении речевого акта под давлением ментального фактора происходит когнитивная обработка этого высказывания с целью достижения максимального коммуникативного эффекта и установления фатического контакта с адресатом. Адресат при этом, на взгляд исследователя, выступает всегда как носитель некоторых ментальных – социальных и психологических качеств, обладает некоторым уровнем социально-исторических знаний. Все это имеет свой особый смысл для предречевой ориентировки говорящего и отражается на структурно-семантических и прагматических характеристиках порождаемого речевого высказывания, а также его коммуникативном потенциале [17, *9*].

Необходимо подчеркнуть, что различные подходы современных исследователей, затрагивающих проблему действия лингвокультурологического аспекта, приводящие к превалированию рассмотрения регулятивных речевых актов преимущественно через коммуникативные функции, в том числе обусловили новое содержание такого важного в контексте коммуникации термина как *коммуникативно-регулятивная компетенция*. Основываясь на исследованиях Е. В. Клюева [17], Т. А. ван Дейка [4] содержание данного понятия, на наш взгляд, можно определить как некий «рабочий набор», совокупность представлений об успешных регулятивных тактиках, соотнесенных с «набором» коммуникативно-регулятивных намерений, присущих индивиду или группе индивидов, формируемых под воздействием особенностей национального менталитета и ведущих к реализации соответствующих регулятивно-коммуникативных стратегий [17, *20*].

При том, что стратегию определяют микро- и макроинтенции всех участников коммуникации не только каждый регулятивный речевой акт, но даже его фрагмент в процессе коммуникации характеризуется лингвокультурологической исчерпанностью. Число таких фрагментов может быть различным в зависимости от темы, отношений между коммуникантами и от всех прагматических факторов [4, *45*]. В связи с этим можно сделать вывод о взаимосвязи стратегического и тактического компонентов регулятивных речевых актов не только с компетент-

ностным, денотатным и динамическим факторами, но и в определенной степени с фактором стереотипизации. Это объясняется тем фактом, что в процессе коммуникации происходит выбор коммуникантами типичных/противостоящих типичным (ломка стереотипов) речевых средств и лингвистических механизмов на основе имеющегося у них лингвокультурологического опыта [17, *21*].

По мнению ряда исследователей (П. Б. Варрем, Л. Гржесик, Е. П. Головаха, Т. Емчура, Ч. Кнаппер, Р. Я. Купер, Н. В. Панина, Дж. Олпорт и др.), стратегический и тактический компоненты регулятивной речевой деятельности также неотъемлемо связаны с явлением коммуникативного сотрудничества или перцептивным компонентом. Именно культурологический потенциал, по мнению Т. Емчура, позволяет также вести речь в лингвистической науке об появлении такого нового, обусловленного прагматическим подходом, явления, как *коммуникативно-регулятивная анимация.* Под данным явлением исследователем понимается искусственная и естественная стимуляция коммуникантов, направленная на выявление ими собственных творческих сил, созидательных возможностей, ресурсов коммуникативного поведения на основе уже имеющегося опыта и опыта приобретаемого в контексте регулятивных речевых стратегий и тактик коммуникации [5, *57*]. Явление регулятивной анимации позволяет нам говорить о факторе активизации вариативности регулятивных речевых актов, позволяющих создавать и поддерживать, стимулировать «живую» коммуникацию, выявлении естественных и искусственных стимуляторов данного процесса.

Несколько с другой стороны аспект вариативности регулятивных речевых актов рассматривается в исследованиях известного французского семиолога Р. Барта, по мнению которого регулятивный речевой акт и его стратегии могут иметь фактически бесконечное число интерпретаций адресатом и адресантом в зависимости от культурного опыта последних. Более того, расширение данного опыта, в том числе за счет межкультурной коммуникации, позволяет каждый раз создавать новое лингвистическое «видение» коммуникантов [1, *67*].

В контексте уже отмеченных подходов зарубежный исследователь У. Матурана в крайней степени наглядно, по нашему мнению, связывает коммуникацию с использованием регулятивных речевых актов с таким динамическим и «самотворящим» явлением, как танец, которому, на взгляд ученого, свойственны не столько «иерархия» и «управление», и не «конкуренция», а взаимные «лингвокомпромиссы», сотрудничество, биологически определенное генетически унаследованным историко-культурным опытом человека» [10, *95*]. У. Матурана подвергает сомнению опасения некоторых исследователей о том, что теория пытается полностью шаблонизировать лингвистические механизмы и их протекание в языке. Ученый отмечает, что язык представляет собой живой организм, несмотря на то что в современном обществе содержание коммуникации очень часто представляет собой миф, в который по тем или иным причинам, в том числе социокультурного характера, верят коммуниканты. Подобный процесс мифологизации происходит в контексте уже существующих зафиксированных речевых произведений, словарей и учебников, лингвистической системы языка как некоей абстрактной системы «правил и исключений», которые навязываются человеку извне

и которой он вынужден подчиняться. Именно поэтому, несмотря ни на какие типические, усвоенные с культурным опытом лингвистические средства, затруднительно говорить о полной идентичности выборов регулятивных стратегий и тактик не только представителями различных социумов, но и индивидуумов одного социума. Возможно говорить лишь об их определенной обусловленности данным фактором, нуждающемся в серьезном научном исследовании в условиях различных культурологических аспектов. В связи с этим исследователь, будучи биологом по своему научному «происхождению», наделяет регулятивные речевые стратегии и тактики «биологическим свойством самоорганизации как консенсуально взаимодействующие для достижения коммуникативной цели системы» [10, *99*].

Представленный в настоящей статье спектр научных мнений позволяет сделать вывод о том, что в своем большинстве рассмотрение лингвокультурологической компоненты в контексте регулятивных речевых актов, их стратегий и тактик фактически не вызывает сомнений в сигнификативной взаимообусловленности данных явлений. Однако изучение данной проблемы на современном этапе, в значительной степени в силу ее полифункциональной, многоуровневой природы, во многом не позволяет исследователям создать единую картину ее научного теоретического и практического функционирования. Наблюдаемая направленность исследований, имеющих безусловное высокое научное значение, на изучение условий, способствующих повышению эффективности реализации стратегической составляющей, ее манипулятивного, управленческого характера в контексте межличностной коммуникации объяснима и оправдана сегодняшним этапом развития лингвистической науки и социума, взаимосвязью коммуникативного и прагматического подходов. Однако в этой связи определенный научный охват в культурологическом аспекте получает так называемый «пик» пирамиды речевого акта – стратегии, между тем ее фундамент – лингвистические средства, их содержание и обусловленность выбора – предполагающий, как показывают выделенные нами научные мнения, высокую лингвистическую вариативность в выборах, делаемых различными социумами, остается еще в недостаточной степени изученным. И это позволяет рассматривать целесообразность исследования регулятивной коммуникации в аспекте стратегий и тактик под воздействием культурологического фактора дифференцированно, применительно, например, к таким микрополям их функционирования как межкультурная, межъязыковая, межнациональная коммуникация, разножанровое и разностилевое коммуникативное воздействие, моделирование коммуникативных процессов и управление ими в определенных ситуациях под воздействием интенций коммуникантов, коммуникативно-регулятивная анимация и компетенция, в контексте различных видов дискурса и других аспектов, что позволит наиболее полно выявить корреляцию расширения/сужения вариативности лингвистических средств в зависимости от различных конкретных факторов и их выбора.

Частично данная проблема (в условиях функционирования англо- и немецкоязычных публицистических малоформатных текстов политической тематики) была решена в рамках проведенного автором эмпирического исследования обусловленности использования регулятивных стратегий и тактик лингвокультурологическим фактором.

Основываясь на исследовании выборки, состоящей из 60[3] англо- и немецкоязычных текстов[4] за 2009–2010 г., нами был осуществлен эмпирический срез и систематизированы данные, позволяющие в сравнительном аспекте судить о частотности использования лингвокультурологической компоненты при реализации регулятивной функции в публицистическом дискурсе (табл. 1)[5].

Таблица 1

Стратегии / Тактики	Частота использования лингвокультурологической компоненты в текстах англоязычных СМИ с преобладающей регулятивной направленностью, в %	Частота использования лингвокультурологической компоненты в текстах немецкоязычных СМИ с преобладающей регулятивной направленностью, в %
Информирования	91%	88%
Комментирования	30%	12%
Разъяснения	32%	11%
Иллюстрирования	34%	30%
Аргументирования	40%	51%
Акцентирования внимания	63%	62%
Саморепрезентации	26%	34%
Оценивания	24%	53%
Оспаривания	27%	7%
Критики	41%	27%
Солидаризации	9%	19%
Дистанцирования/ оппозиционирования	30%	38%
Обвинения	4%	–
Дискредитации	38%	36%
Призыва	1%	–

[3] В качестве методического инструментария автором была использована техника сплошной, неслучайной выборки материала. Согласно сущности метода типичных представителей автором был принят за аксиому тот факт, что отобранные им типичные объекты (англо- и немецкоязычные публицистические малоформатные тексты политической тематики) представляют всю генеральную совокупность представителей. Наличие обширной информации в виде результатов комплексного регулятивно-дискурсивного анализа послужило гарантией объективности полученной информации. Обусловленность выбора автором вышеназванного метода также объясняется необходимостью получения результатов качественного характера и небольшим количеством объектов выборки [9; 16].

[4] Выбор текстов был определен тремя основными факторами: хронологией исследования (2009–2010 г.), территориальным признаком – в подавляющем большинстве для анализа были использованы центральные СМИ, выпускаемые массовым тиражом; идеологией и концептуально-содержательной направленностью произведений печати – приоритет при анализе отдавался качественной и массовой публицистике.

[5] Таблица формировалась за счет обработки таких показателей, как расчет частоты присутствия лингвокультурологической детерминанты в выявленных в текстах СМИ (объединенных гиперконцептом «критическое/ неоднозначное восприятие России») регулятивных стратегиях/тактиках в процентном соотношении (в настоящей статье в силу ограниченности объема представлены наиболее характерные объекту исследования стратегии/тактики).

Как свидетельствуют результаты исследования, в англо- и немецкоязычном публицистическом дискурсе, объединенном тематическим гиперконцептом «неоднозначное/критическое восприятие России», присутствует обусловленность регулятивных средств лингвокультурологическим фактором более чем в 40% случаев (43% в англо- и 41% – в немецкоязычных СМИ)[6]. При этом в обоих видах дискурса в настоящее время чаще всего наблюдается идентичная детерминированность лингвокультурологической компонентой стратегических/тактических средств, направленных на информирование реципиента (91% в англоязычных СМИ и 88% в немецкоязычных СМИ), акцентирование внимания (63% и 62% соответственно), дискредитацию (38% и 36%). На данном фоне как в английском, так и в немецком языках в изученном эмпирическом материале фактически отсутствует лингвокультурологическая обусловленность регулятивных средств, выражающих призыв и обвинение.

В сравнительном аспекте можно говорить о преобладании лингвокультурологической детерминанты для тех или иных регулятивных средств одного типа в зависимости от языковой представленности публицистического дискурса. Так, в англоязычных текстах можно наблюдать обусловленность лингвокультурологическим фактором регулятивных стратегических и тактических средств, направленных на: информирование (91%), акцентирование внимания (63%), критику (41%), аргументирование (51%), дискредитацию (36%) и иллюстрирование (34%). В то время как в немецком публицистическом дискурсе следует говорить о соответствующей детерминированности регулятивных средств, представляющих информирование (88%), акцентирование внимания (62%), оценивание (53%), аргументирование (51%), дистанцирование (38%), дискредитацию (36%).

Таким образом, вышепредставленные результаты исследования позволяют нам сделать вывод о сигнификативной роли лингвокультурологического аспекта при выборе автором лингвистических механизмов для реализации регулятивных стратегий и тактик в публицистическом дискурсе.

В завершение подчеркнем тот факт, что предложенные нами в настоящей статье ряд уже существующих и возможных актуальных подходов к проблеме изучения регулятивных речевых стратегий и тактик во взаимодействии с лингвокультурологическим компонентом и представленные результаты эмпирического исследования автора, безусловно, не претендуют на завершенность, будучи проведенными в контексте лишь одного из видов существующих на данный момент в лингвистической науке видов дискурсов. Однако дополняя друг друга, в совокупности они позволяют более дифференцированно интерпретировать сущность регулятивного речевого акта и внести новый научный вклад в решение проблемы поиска путей модернизации регулятивных речевых стратегий и тактик индивидуума, составляющих в числе других языковых средств его прагматическую компетенцию и обусловливающих его успешное функционирование в социуме.

---

[6] С учетом данных по другим, менее частотным, видам регулятивных средств, перечисление которых не представлено в статье.

1. *Барт Р.* Избранные работы. М.: Прогресс, 2006.

2. *Бутусова А. С.* Прагмалингвистический потенциал эллиптических предложений (на материале немецкого бытового диалога): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2004.

3. *Верещагин Е. М.*, *Костомаров В. Г.* Язык и культура. М.: Русский язык, 2006.

4. *Дейк Т. А.* Стратегии понимания связного текста. М.: Приоритет-МВ, 2004.

5. *Емчура Т.* Коммуникативный механизм социальной регуляции: Дис. … канд. социолог. наук. Белгород, 2000

6. *Зарецкая Е. Н.* Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 2009.

7. *Клюев Е. В.* Речевая коммуникация. М.: Приор, 2007.

8. *Куклина Т. В.* Психо- и прагмалингвистический аспекты речевого поведения авторов (на материале текстов рецензий и политических выступлений): дис. ... канд. филолог. наук. Ростов н/Д, 2005.

9. *Лысакова И. П.* Социолингвистический анализ журналистского текста // Социология журналистики: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. С. Г. Корконосенко. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 235–238.

10. *Матурана У.* Биология познания. М.: Прогресс, 2005.

11. *Пименова Н. В.* Ментальность: лингвистический аспект: учебное пособие. Кемерово, 2006.

12. *Романов А. А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Литера-М, 2008.

13. *Румянцева Е. Н.* Регулятивные речевые действия как фактор успешности диалога и компонент коммуникативной стратегии партнеров по общению: дис. ... канд. филолог. наук. Орел, 2004.

14. *Смирнов Ю. Б.* Эволюция и особенности ценностно-нормативных ориентаций западно-европейской и российской ментальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1995.

15. *Стернин В. А.* О понятии «менталитет». Воронеж: Феникс, 2008.

16. Техника построения выборочной совокупности / пер. с фин. яз. // МИРЭА – Ин-т искусства и дизайна г. Хельсинки. 2009. URL: http://www.uiah.fi/ (дата обращения: 15.04.10).

17. *Торлакян С. А.* Косвенные речевые способы актуализации фактора адресата в информационно-когнитивной системе диалога: дис. … канд. филолог. наук. Ростов н/Д, 2008.

18. *Явчуновская Р. А.* Социальная экология этносов: (Философский анализ). М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2005.

Статья поступила в редакцию 3006.2010 гг.